

DOI: 10.15372/HSS20210202
УДК 94:316.35(571)"16"

¹И.П. КАМЕНЕЦКИЙ, ²А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОМЕНТАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ССЫЛЬНЫХ «ИНОЗЕМЦЕВ» В СИБИРИ. XVII в.

¹Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
²Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

В статье рассмотрены судьбы служивых «иноземцев», оказавшихся в ссылке в Сибири после Смутного времени, показаны особенности восприятия ими сибирской действительности. Отмечено, что социальная интеграция польского шляхтича П. Хмелевского, французского дворянина С. Французенина, «литвина» А. Бернадского с новой средой обитания была сложным процессом, на который повлияли различия в культурном коде, религиозных воззрениях и отношении к властям. Пренебрежительное отношение «западников» к установленным в Сибири порядкам, нормам и правилам поведения зачастую приводило к конфликтным ситуациям с воеводской властью и духовенством. Напротив, следование правительственным установкам способствовало успешному вхождению этих лиц в сословно-иерархическую систему русского общества.

Ключевые слова: Смутное время, ссыльные «иноземцы», Литва, ссылка, Сибирь, государева служба, адаптация, конфликт, интеграция, власть.

¹I.P. KAMENETSKIY, ²A.A. LUTSIDARSKAYA

SOCIO-MENTAL BEHAVIOR OF THE EXILE “FOREIGNERS” IN SIBERIA. XVII CENTURY

¹Institute of History SB RAS
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
²Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
17, Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The authors consider the chances of service “foreigners” who found themselves in Siberian exile after the end of the Time of Troubles. The article concentrates on the characteristics of the Siberian reality perception by this sociocultural community. The authors prove that the social adaptation and integration of the Polish nobleman P. Khmelevsky, the French nobleman S. Franzuzhenin, “Litvin” A. Bernadsky into the new habitat was a complex and distressing process. The reason was that this group differed from the general population in such parameters as the cultural code, religious beliefs and attitudes towards tsar’ administration. These persons were symbolic figures of this ambiguous, but really existing process. “Westerners” P. Khmelevsky and S. Frantsuzhenin neglected the political Siberian order, norms and rules of social behavior. This often led to conflict situations with the provincial authorities and the Orthodox priests. As a result, representatives of this group lost the new privileged status of a service man that they had acquired and correspondingly secure social position. Khmelevsky arrived at Tobolsk as an exiled “foreigner” and made a lot of efforts for his integration into the Russian society hierarchical system, achieving the considerable success. Thanks to his literacy, business qualities, military and managerial skills, he and other foreigners were soon awarded the highest category of service men, boyar sons. On the contrary, Bernadsky’s case demonstrated that there was a different type of behavior among this group. Bernadsky filed more than one petition in the name of the tsar, surrounded by non-peaceful peoples. He complained about his difficult situation and asked for the sovereign favor. In contrast to the aforementioned “foreigners” Khlynovsky and Frantsuzhenin, A. Bernadsky followed the principles operating in the Siberian community, and became “our own” as opposed to the “alien”. He did not change his confessional affiliation and attitude towards the voevodship, but as well adopted a tolerant attitude towards aboriginal ethnic groups. Such people assimilated the social order in Siberia. They followed the government guidelines and were loyal to the authorities. Such social habitat facilitated the successful identification and joining the Russian social-hierarchical system.

Key words: Time of Troubles, foreigners, Lithuania, Siberian exile, state service, adaptation to Siberian conditions, conflict, interaction, government.

Иван Павлович Каменецкий – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: kameneckiiivan@mail.ru

Анна Алексеевна Люцидарская – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: lucid1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>.

Ivan P. Kamenetskiy – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Anna A. Lutsidarskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, ссыльные люди и русского, и «иноземного» происхождения играли заметную роль в жизни Сибири XVII в. Особенно высоко правительство ценило грамотных, энергичных людей, способных исполнителей государевых указов, успешных администраторов, которым за достигнутые заслуги на службе в Сибири нередко прощались их вины за прежние прегрешения и даже серьезные государственные преступления. Прослеживается разница в восприятии русской действительности ссыльными, что обуславливалось различными мировоззренческими позициями, лежавшими в религиозном и правовом поле. Ссыльные «западники» католического толка имели свои представления о светской власти, которые обуславливали их поведение и возникновение конфликтных ситуаций, в частности с воеводским управлением Сибири.

На практике все «иноземцы», поступавшие на государеву службу в России, принимали православие, что являлось обязательным непререкаемым условием. Благодаря этому они постепенно встраивались в этноконфессиональную идентичность русских в Сибири [1, с. 100–101]. Очевидно, что это был длительный и болезненный процесс, не всегда приводивший к искомым результатам. Именно поэтому поступавшие на службу к русскому царю «западники» зачастую совершали неблагоприятные, а порой и греховные, с точки зрения светского (государственного) и церковного православного миропорядка, поступки [2, с. 5]. Ссыльные «литвины», «немчины, поляки и другие западные «выходцы» подчас допускали пренебрежительное отклонение от установленных в православии норм поведения. Поскольку со стороны властей отмечалось пристальное внимание к ним, это приводило к недовольству воеводского окружения, зачастую препятствовало продвижению ссыльных «иноземцев» по служебной лестнице и порождало различные конфликтные ситуации, завершавшиеся порой драматическим исходом.

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме социальной интеграции и взаимодействия «иноземцев» с воеводской властью в Сибири, был С.В. Бахрушин. В своих очерках о «литвине» П. Хмелевском и выходеце из «Барабандской и Голанской земли», дворянине Савве Француженине он представил портреты служилых «иноземцев», показал непростые отношения, которые складывались между ними и воеводской и церковной властями во время их пребывания в Сибири [3, с. 163–177].

Ученый отметил склонность указанных личностей к авантюрным действиям, их неуравновешенный, жестокий характер, стремление к риску и обогащению, которые сочетались с кипучей энергией, образо-

ванностью и способностью входить в доверие к необходимым им лицам, чтобы достигать поставленных целей любыми средствами.

В данной статье ставится задача – показать на примере судеб некоторых ссыльных западных «иноземцев» пути и способы их вхождения в сибирское сообщество, выявить по возможности черты и особенности их этнического самосознания, отношения к русским властям, проявившиеся в обыденных для Сибири ситуациях и во многом определившие не только их непосредственное поведение и социальное положение, но и процесс формирования межэтнического общения и консолидации населения этой окраины России.

СЛУЖБА «ИНОЗЕМЦЕВ»

П. ХМЕЛЕВСКОГО И С. ФРАНЦУЖЕНИНА В СИБИРИ

В биографиях служилых «иноземцев» П. Хмелевского и С. Француженина до ссылки в Сибирь немало общего. Оба они вышли из рядов «заносчивого воинства» Смутного времени, совершившего «перелеты» на сторону вчерашних врагов и вынужденно принявшего русское православие. Почти одновременно они были сосланы в Сибирь «за измену», за которой крылись попытки контактов с соотечественниками и планы бегства из разоренной смутой России [4, с. 163–177]. Так, Хмелевский, прибыв в Тобольск колодником, ссыльным «иноземцем», приложил немало усилий для своей реабилитации, стараясь приспособиться к новым порядкам и интеграции в иерархическую систему русского общества и достигнув при этом немалых успехов. Благодаря своей грамотности, деловым качествам, военным и управленческим навыкам он и иные иноземцы вскоре были пожалованы в высший разряд служилых людей – детей боярских. В именной окладной книге 1625 г. бывший колодник, польский шляхтич П. Хмелевский значился первым в списке «начальных людей» Тобольского гарнизона с самым высоким денежным окладом в 20 руб., его товарищ по ссылке Савва Француженин также занял высокое положение – он указан первым среди детей боярских с окладом 17 руб.¹

Став полноправными представителями воеводской власти, названные «иноземцы», как и другие дети боярские, привлекались к исполнению важных административных, хозяйственных, военных и других поручений. Так, Савва Француженин, согласно его челобитной, участвовал в походе на кучумовых царевичей, руководил заселением пустых земель Успенского монастыря, вместе с П. Хмелевским осу-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 14. Л. 79.

шествовал «дозор» Тобольского уезда, собирал ясак с Кодских волостей, ходил за солью к Ямыш-озеру². П. Хмелевский в 1622 г. был назначен управлять крупным Енисейским острогом. В 1625 г. он возглавил отряд из 120 русских служилых людей и 80 юртовских татар, направленных для защиты Томска от енисейских киргизов, нес и другие службы [5, с. 52, 59, 679].

Но, по-видимому, рутинная государева служба, несмотря на солидное жалование и высокое социальное положение в Тобольске, не во всем устраивала кипучую и деятельную натуру П. Хмелевского, не обремененного к тому же семейными и хозяйственными обязанностями. Как выразительно показал С.В. Бахрушин, Хмелевский, обладая буйным и неуравновешенным характером, постоянно стремился к смене обстановки, поиску приключений и обретению новых источников доходов. Такая возможность представилась ему в 1625 г., когда он был послан с ревизией в самый удаленный город Сибири – златокопашную Мангазею.

Прибыв в наиболее богатую «государеву вотчину», Хмелевский развил бурную деятельность: сумел вскрыть «налог и насильство ... многое» бывшего воеводы Д.С. Погожего и подать на него челобитную, сблизиться с новым воеводой И.Н. Пушкиным, быстро установить контакты с местным промысловым населением. Но при этом сыщик, наделенный большими полномочиями, сам допустил немало злоупотреблений: открыто торговал привезенным им вином и запретным табаком, скупал пушнину в больших объемах, а при ее вывозе отказался уплатить таможенные пошлины, тем самым нарушил все возложенные на него предписания, чем не замедлили воспользоваться его недруги.

Незаконная предпринимательская деятельность Хмелевского, как выяснилось при розыске, в немалой мере была санкционирована тобольским воеводой М.А. Вельяминовым и письменным головой Семеном Чаплиным, снабдившими его своим вином для продажи в этой поездке. Несмотря на причастность последних к злоупотреблениям Хмелевского, наказание подвергся лишь он: за «воровство» был бит кнутом, а незаконно приобретенная «рухлядь» его была конфискована [6, с. 168–169].

Но жестокое наказание не остановило предприимчивого и неугомонного польского шляхтича. Хорошо усвоив русские обычаи и способы входить в доверие в Сибири, он вскоре восстановил свое пошатнувшееся положение и приобрел новых покровителей. При выполнении нового задания он, как и раньше, преследовал свои корыстные интересы – провез не-

легально 20 ведер вина и 10 пуд. меда. В Мангазее жадный до приключений Хмелевский не был сторонним наблюдателем в разгоревшейся «смуте» между воеводами А.Ф. Палицыным и Г.И. Кокоревым. При этом он продолжил свою доходную деятельность, торгуя запретными товарами – табаком и вином и скупая по-прежнему в больших объемах «заповедную» пушнину у местных промышленников и ясачных людей. Враждебно настроенный к нему Г. Кокорев не без сарказма писал по этому поводу своим сторонникам: «...А добрые люди и в Польше вином и табаком не торгуют, а торгуют бабы Шингарки» [7, с. 170–171].

Однако энергичный и рискованный бывший польский шляхтич не учел в своих опрометчивых действиях личностно-местнический характер и семейно-родовую клановость воеводской власти. Активными противоправными действиями Хмелевского не преминули воспользоваться его враги – бывшие мангазейские воеводы Дмитрий Погожий и Григорий Кокорев, которые, объединившись, подали на него новую известную челобитную. В ней помимо указанных выше незаконных торговых операций и самоуправства, Хмелевский обвинялся также в церковном неблагочестии и пренебрежении установленными в православии правилами. По словам Погожего, Хмелевский в Туруханске «ходил в церковь в одном полукафтаны и поругался местному образу Николы Чудотворца и носил с собою саблю и ставил за образы». Кроме того, по указке Погожего люди Хмелевского Ф. Митрофанов и Г. Федоров обвинили его в «государевом деле», заявив о распространении им тревожных слухов и «грамоток» о беспокойном положении в Москве и о недостойном поведении во время употребления вина за государево многолетнее здоровье [8, с. 171].

Закаленному в боях и искусенному в интригах Хмелевскому удалось на первых порах дезавуировать предъявленные ему обвинения. Его былые заслуги, красноречие и склонность к «сочинительству» вновь сыграли свою положительную роль. Указом из Москвы было велено отдать его на поруки с запретом направлять впредь на службу в «дальние посылки» [9, с. 172]. В 1635 г. он по-прежнему служил с Саввой Францужениным в Тобольске и получал вместе с сыном боярским Меньшом Ремезовым, дедом будущего географа и картографа Семена Ульяновича Ремезова, один из самых высоких окладов жалования – 20 руб., 20 четей ржи, 20 четей овса, 3 пуда соли, а денежный оклад Саввы по-прежнему составлял 17 руб.³

Однако, уверовав в свою безнаказанность и непогрешимость, Хмелевский вместе с Саввой не су-

² РГАДА. Ф. 214. Ст. 246. Л. 117–119

³ Там же. Кн. 62. Л. 159 об.

мел своевременно сориентироваться в сложной обстановке борьбы и интриг, возникшей в 1638 г. между партиями тобольских наместников. Будучи втянуты в конфликт между младшим воеводой А.В. Волинским с дьяками и старшим воеводой, князем М.М. Темкиным-Ростовским, который не любил «немцев» и был поддержан архиепископом Нектарием, оба «иноземца» потерпели поражение. Нектарий, желая очернить Савву, а вместе с ним и Хмелевского, в своей челобитной царю жаловался, что Хмелевский «на меня похваляется всяким дурном», и особенно упирал на то, что он с Саввой уже не раз изменяли государю, за что и были сосланы, поэтому верить им нельзя [10, с. 109]. Архиепископ, кроме того, выдвинул дополнительный аргумент – несдержанный, буйный характер и жестокое обращение Хмелевского со своими слугами, обращавшимися к нему, Нектарию, с жалобами на «неистовства» своего хозяина.

Осенью 1638 г. царской грамотой было велено П. Хмелевского посадить в тюрьму на неделю, затем выслать в Томск, но по пути следования в новую ссылку опальный «литвин» скончался. Савва был бит батогами и сослан в Кузнецк, где также вступил в конфликт с воеводой Д.В. Кафтыревым. Вскоре он был выслан из Кузнецка в Красноярск, где вновь оказался вовлечен в конфликт между воеводой А.П. Баскаковым и красноярцами⁴. В последующие годы следы его теряются.

Таким образом, и Хмелевского, и Савву Француженина можно считать знаковыми фигурами среди сосланных в Сибирь иноземцев западного толка, не нашедших в Сибири достойного применения своим способностям.

СУДЬБА «ЛИТВИНА» А. БЕРНАДСКОГО

Иным образом складывался жизненный путь в Сибири ссыльного «литвина» Андрея Бернадского, также являвшегося во многом знаковой фигурой того времени. Ранее он мало привлекал внимание историков. В отличие от указанных выше героев, Бернадский, преодолев неизбежный в таких обстоятельствах путь взлетов и падений, сумел более достойно пополнить ряды сибирского служилого сословия.

Первое упоминание об Андрее Онуфриевиче Бернадском относится к лету 1633 г. В своей челобитной от 7 июня 1633 г. на имя царя он обвинил стрелецкого голову Петра Красного в совершении поджога его двора, находившегося в Китай-городе. Причиной поджога, по мнению истца, явилась «недружба» П. Красного к нему из-за беглой кабальной «жонки», принадлежавшей Андрею. Названную «жонку» голова якобы укрывал у себя во дворе, но люди Бернад-

ского сумели обнаружить ее и вернуть на прежнее место жительства [11, с. 48–50]. Проживание А. Бернадского в старой части Москвы, заселенной преимущественно боярами и дворянами, наличие двора и дворовых людей может свидетельствовать о его зажиточности и принадлежности к среднему шляхетскому сословию.

Однако вряд ли возникший на бытовой почве конфликт между ними можно считать причиной «опалы» и ссылки А. Бернадского в Сибирь. По видимому, в судебном деле А. Бернадского имелись более веские аргументы, касавшиеся какого-то «великого государева дела», в котором его обвинили. Возможно, он был обвинен в шпионаже в пользу Польши, в период войны России за Смоленск. Это явилось более веским основанием для ссылки Бернадского в Сибирь. И такие случаи были нередкими в московской судебной практике. Так, пятью годами позже в Кузнецк были посланы литвин П. Нарбут и поляк П. Бемонт, которые были замешены в каком-то «государевом деле»: «бегали на посольский двор к польским посланникам Яну Оборскому да князю Самуилу Соколинскому»⁵.

Летом 1634 г. А. Бернадский был выслан из Москвы, вместе с ним отправлялись в ссылку на четырех подводах его жена, шестеро детей и четверо дворовых людей. После короткого пребывания в Нижнем Новгороде, Тюмени и Тобольске семья Бернадского оказалась в Томске, где возникла весьма тревожная обстановка. Местные воеводы Н.И. Егупов-Черкасский и Ф.Г. Шишкин, не дожидаясь государева указа, осуществили жестокую расправу над участниками раскрытого заговора ссыльного «литвы», обвинив его участников в попытке захвата города и бегстве в Литву. Было повешено 12 активных заговорщиков [12, с. 23–24]. Пребывание ссыльного А. Бернадского в Томске совпало с возмущением его жителей, выступивших против злоупотреблений новых воевод – И. Ромодановского и А. Бунакова. В одной из мирских челобитных на воевод посадские люди жаловались, что Андрея с семьей «ставили» на содержание в их дворы по очереди и требовали давать ему по 2–3 руб. на «корм» [13, с. 244].

По прибытии опального «литвина» на новое место ссылки воеводе Г.Я. Кушелеву было велено поставить в остроге две избы, огородить их тыном и в одной из них поселить Андрея с семьей, а в другой – его людей. Воевода также получил строгое предписа-

⁵ Там же. Кн. 153. Л. 176. Польские послы прибыли в Москву в 1637 г. с приглашением принять русских послов в Речи Посполитой с целью участия в праздничной церемонии, связанной с заключением брака короля Владислава IV с Цецилией Ренатой Австрийской – Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. V: История России с древнейших времен. Т. 9–10. С. 179–180.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 296. Л. 118–119.

ние – «приставить к Ондрюшке и жене пристава служилого человека..., чтоб они из Кузнецкого острогу не ушли и дурна никакого не учинили, и никаких людей к нему и жене его не пропускать, и ни о чем с ними разговаривать не велено» [14, с. 40, 41]. Для пропитания его семьи и дворовых людей был назначено довольно значительное содержание – «полуполтина на день», т.е. в год – около 90 руб., что свидетельствует о высоком сословном статусе Бернадского [15, с. 379].

Однако распоряжение о размещении А. Бернадского в отдельном дворе сразу выполнено не было. Воевода кратко сообщил, что служилые люди ему отказали, а возводить двор «нечем да и не кем». Бернадского с семьей временно разместили во дворе авторитетного казачьего пятидесятника Куземки Володимерова, приставив к нему пристава – пятидесятника Сидора Федорова. Но затем Бернадского все же перевели в отдельную, выстроенную огороженной тыном избу, которую Бернадский называл в своей челобитной «темницей» [16, с. 42]. По-видимому, такие строгие охранительные меры были вызваны как значимостью фигуры Бернадского, так и попытками бегства указанной «литвы» из Томска и «черкас» из Кузнецка в 1627 и 1628 гг. [17, с. 120–122].

Находясь в столь отдаленном форпосте, окруженным немирными народами, Бернадский подал не одну челобитную на имя царя, жалуясь на свое трудное положение и моля о государевой милости. В одной из них, датированной 1640 г., написанной хорошим литературным языком, он, сгущая краски, называл себя бедным заключенным и беспомощным «холопом твоим», который с семьей «заключены во дворе и за приставом шесть лет, живот свой мучим в великом голоде, в наготе и босоте», о том, что Кузнецкий острог – «место нужное голодное, что с Руси хлеба твоего государева жалования привезут, тем питаются и купить у некого», и что он «не хотя детишек поморить голодом, мелю, толку и всякую работу делая, обезсилил уже» [18, с. 40, 41].

Он также утверждал, что положение ссыльного не позволяет ему выдать замуж свою дочь Федосью за правителя Коды – князя Дмитрия Алачева, с которым «сговорил» еще в Москве и заключил с ним «зарядную запись», т.е. своеобразный брачный договор [19, с. 379, 380].

В другой челобитной, датированной 1642 г., Бернадский вновь жалуется на свою зависимость от прежнего воеводы Д. Кафтырева, который, якобы находясь в родстве с томским воеводой – князем С.В. Клубковым-Мосальским, не принимал его челобитий [20, с. 42, 43]. Он также указывал на значительное уменьшение прежнего жалования, которое составляло «по гривне на день», напоминая о гибели своего сына во время вероломного нападения телеу-

тов на «калмацком торгу», где его самого «многими ранами изранили и увечили». Нападение телеутов действительно состоялось 7 октября 1639 г., в ходе которого было убито 15 чел. и многие ранены [21, с. 63].

В свою очередь, воевода Д. Кафтырев, оправдываясь, в своей отписке царю сообщал, что А. Бернадский ходил с сыном на «калмацкий торг», «без его, Дементьева ведома», и тем самым нарушил правительственное предписание. В связи с трагическим происшествием на торгу воевода провел следствие, назначил нового пристава и усилил меры по охране Бернадского, что вызвало новую челобитную от Бернадского с просьбой отпустить его в Москву или в какой-либо другой русский город [20, с. 43].

Многочисленные жалобы Бернадского на бедственное положение возымели свое действие, его просьба была частично удовлетворена. В конце 1640-х гг. Бернадский уже служил в Енисейске сыном боярским со значительным окладом 20 руб., 15 четей овса, 20 четей ржи, 6 пудов соли. Это позволило ему улучшить материальное состояние своей семьи [16, с. 178]. Однако довольствуясь новым положением, он вновь обратился к царю с просьбой о переводе его на другое место службы. Грамотой от 9 декабря 1648 г. бывший ссыльный литвин был переведен с женой и детьми, с тем же окладом, в Верхотурье, а на его место в Енисейске был назначен будущий известный землепроходец Петр Бекетов [16, с. 178, 184].

Служба в одном из самых развитых земледельческих районов Сибири складывалась для А. Бернадского вполне успешно. Его административная деятельность не была отмечена злоупотреблениями и следственными делами, характерными для многих приказчиков Верхотурско-Тобольского района. В течение почти двадцати лет он состоял «на приказе» в Ирбитской, Туринской, Белослудской, Пышминской и Тагильской слободах. За свое усердие к «государевой пашне» в 1652 г. получил прибавку к окладу – 3 руб., 3 чети ржи, 8 четей овса [20, с. 52]. По-видимому, приказчик предпринимал какие-то самостоятельные действия по руководству сельской общиной, за что 30 декабря 1652 г. он получил выговор от властей за то, что крестьяне в Ирбитской слободе без письменного разрешения воеводы самовольно подселяют к себе поселенцев [3, с. 31]. Сохранились и другие свидетельства его беспокойной административно-хозяйственной деятельности, связанной чаще всего с военными угрозами.

22 августа 1653 г. Бернадский сообщал верхотурскому воеводе Л.Т. Измайлову о нападении «калмацких воинских людей» на охрану склада с черенковым ревенем на р. Исети, при этом один сторож был убит – «сечен», а другой пропал без вести, причем ремень нападавшими был сожжен [11, с. 377, 379; 2,

с 32]. В 1655 г. приказчик Пышминской слободы Пятой Ощепков сообщил воеводе о принятых мерах безопасности в связи с поступившими сведениями о приближении калмыков к Долматову монастырю [8, с. 37].

В следующем году Бернадский вновь известил об осаде татарами с «башкирцами» Катайского острога. В недородном 1665/66 г. у него сложились какие-то «нестроения» с крестьянами и расквартированными в слободе солдатами и рейтарами. Последние, недовольные высокими ценами на хлебные запасы в слободе, вызванные недородом хлеба, приходили к нему «с великим шумом» и угрожали расправой. В 1666 г. вместе с приказчиком Г. Чертковым он проводил «дозор» пашенных земель Верхотурского уезда [15, с. 95, 347]. Умер Бернадский, очевидно, в 1668 г., поскольку в этом году на его место просился С. Вистицкий, имевший оклад 15 руб.⁶

Вопрос о судьбе старшей дочери Бернадского и других его детей остается открытым. По данным С.В. Бахрушина, на его дочери был женат праправнук пелымского князя Аблегерима – Семен Андреевич Пелымский, возведенный в чин сына боярского, а его внуки – в сибирские дворяне [5, с. 145]. По сведениям же Е.В. Вершинина, брачный договор, как было указано выше, был заключен с князем Дмитрием Алачевым – внуком кодского остяцкого князя Игичея, но этот брак, по мнению историка, так и не состоялся из-за отсутствия царского разрешения [7, с. 379–380].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «литвин» А. Бернадский, в отличие от указанных выше «иноземцев» Хмелевского и Француженина, в своей ссылке в большей мере следовал принципам, принятым в сибирском сообществе, что позволило ему из положения «чужого» стать «своим». Он не только изменил свою конфессиональную принадлежность и отношение к воеводской власти, но и усвоил поощряемое правительством толерантное отношение к аборигенным этносам, даже пытался породниться с внуком остяцкого князя. Можно утверждать, что «иноземец» западного происхождения А. Бернадский, преодолев отчужденность от русского общества и немалые трудности сибирского бытия, сумел влиться в ряды русского служилого сословия Сибири, став знаковой фигурой этой неоднозначной интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mainicheva A.Y.* Ethno-confessional markers of Russian identity in the 17th–18th-century Siberia: churches with barrel roofing // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. Vol. 43, is. 3. P. 100–106.

2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера (описи копийных книг в двух томах). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. 250 с.

3. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.

4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. III, ч. 1. 375 с.

5. *Бахрушин С. В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. 300 с.

6. *Бахрушин С. В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. II. 300 с.

7. *Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.

8. Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. 416 с.

9. *Каменецкий И. П.* Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-е годы XVII в. // *Сибирские города XVII – начала XX в.* Новосибирск: Наука, 1981. С. 119–128.

10. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Вост. литература, 2000. Т. 2. 796 с.

11. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Вост. литература, 2005. Т. 3. 598 с.

12. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М.: Наука, 1968. 338 с.

13. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. 11 с.

14. *Оглоблин Н.Н.* Томский бунт 1637–1638 гг. // *Ист. вестн.* 1901. Т. 75. С. 229–250.

15. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1966. Вып. 1 / сост.: Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. 494 с.

17. *Соколовский И.П.* Служилые «иноземцы» Сибири XVII века. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. 212 с.

18. *Соловьев С.М.* Сочинения. М.: Мысль, 1990. Кн. V, Т. 9–10. 718 с.

19. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVI–XVII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

20. *Шапков А.Т.* Воеводское управление на Урале в XVII в. (верхотурский «розыск» о служилых людях 1678–1679 гг. и судьба Я.Б. Лепехина). // *Ур. ист. вестн.* 1996. № 3. С. 51–60.

21. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Тип. Синодальная, 1908. Кн. 4 С. 40–43.

REFERENCES

1. *Mainicheva A.Y.* Ethno-confessional markers of Russian identity in the 17th–18th-century Siberia: churches with barrel roofing. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, no. 3, pp. 100–106.

2. *Pokrovsky N.N. (ed.)* The act sources on the Russian and Siberian history XVI–XVIII centuries in G.F. Miller's fonds (lists of copying books). Novosibirsk, Sibirskiy Chronograph, 1993, vol. 1, 250 p. (In Russ.)

3. *Aleksandrov V.A., Pokrovskiy N.N.* The power and society. Siberia in the XVII century. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (In Russ.)

4. *Bakhrushin S.V.* Scientific works. Moscow, Academy of Science Publ., 1955, vol. 3, pt. 1, 375 p. (In Russ.)

5. *Bakhrushin S.V.* Scientific works. Moscow, Academy of Science Publ., 1955, vol. 3, pt. 2, 300 p. (In Russ.)

6. *Bakhrushin S.V.* Scientific works. Moscow, Academy of Science Publ., 1955, vol. 2, 300 p. (In Russ.)

⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 812. Л. 232.

7. *Vershinin E.V.* Russian colonization of the North-Western Siberia in the late XVI–XVIII centuries. Ekaterinburg, Demidov Inst., 2018, 504 p. (In Russ.)
8. Additions to the «Historical acts» collected and published by Archeographic Committee. Vol. 4. Saint Petersburg, E. Pratz Tip., 1851, 416 p. (In Russ.)
9. *Kamenetskiy I.P.* Rebellions of the service men in Kuznetsk Ostrog in the 1620s. *Sibirskie goroda v XVII – nachale XX veke.* Novosibirsk, 1981, pp. 119–128. (In Russ.)
10. *Miller G.F.* History of Siberia. Moscow, Vost. lit., 2000, vol. 2, 796 p. (In Russ.)
11. *Miller G.F.* History of Siberia. Moscow, Vost. lit., 2005, vol. 3, 598 p. (In Russ.)
12. *Kotkov S.I.* et al. (comps.) Moscow business and household writing in the XVII century. Moscow, Nauka, 1968, 338 p. (In Russ.)
13. *Ogloblin N.N.* The complot of Tomsk “Litva” in 1634. Kiev, G.T. Korchak-Novitsky Tip., 1894, 11 p.
14. *Ogloblin N.N.* The Tomsk rebellion in 1637–1638. *Istoricheskiy vestnik*, 1901, vol. 75, pp. 229–250. (In Russ.)
15. *Preobrazhenskiy A.A.* The Ural and Western Siberia in the late XVI–early XVIII century. Moscow, Nauka, 1972, 392 p. (In Russ.)
16. *Rumyantsev G.N., Okun S.B.* (comps.) Collection of the Buryat historical documents. The XVII century, Ulan-Ude, Buryat. Bool Publ., 1966, iss. 1, 494 p. (In Russ.)
17. *Sokolovskiy I.R.* Service “foreigners” in Siberia in the XVII century (Tomsk, Yeniseysk, Krasnoyarsk). Novosibirsk, 2004, 212 p. (In Russ.)
18. *Soloviev S.M.* Works. Moscow, Mysl’, 1990, bk. 5, vols. 9–10, 718 p. (In Russ.)
19. *Umanskiy A.P.* Teleuty and Russians in the XVI–XVII centuries. Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.)
20. *Shashkov A.T.* Voevod’s managment in the Ural in the XVII century (Verkhoturksy “rozysk” toward service men in 1678–1679 and Ya. B. Lepechin’ s fate). *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 1996, no. 3, pp. 51–60. (In Russ.)
21. Readings at the Imperial Society of Russian history and antiquities at Moscow University. 1908. Moscow, Sinod. Tip., 1908, bk. 4, 328 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2021

Дата рецензирования 24.02.2021

Статья принята к публикации 31.03.2021